

Темы для восьмичленных сочинений всегда брались из Четверокнижия и Пятикнижия. Казалось бы, если ты досконально знаешь эти каноны, то раскрыть тему не составит труда. Но всё было далеко не так просто. Среди тем для восьмичленных сочинений существовали так называемые «комбинированные темы» невероятной сложности: составитель брал две совершенно не связанные друг с другом фразы, разрывал их и соединял вместе, предлагая ученикам в качестве темы.

В прошлую династию один уездный начальник на начальном экзамене умудрился придумать изощреннейшую комбинированную тему, которая поставила в тупик абсолютно всех соискателей. Тема звучала так: «Жена Ми-цзы и Цзы-лу».

В оригинале эта фраза из трактата «Мэн-цзы» выглядела следующим образом: «Жена Ми-цзы и жена Цзы-лу были сестрами». Но поскольку составитель отбросил последние пять иероглифов, экзаменуемые просто опешили.

«Жена Ми-цзы и Цзы-лу»...

Как ни пиши, всё выходило похожим на супружескую измену, за которую впору в свиной клетке топить!

Тан Шэнь поначалу собирался сдавать экзамен без лишнего надрыва. Управа Гусу была местом сосредоточения талантов со всей Поднебесной и на каждый дворцовый экзамен поставляла огромное количество успешных кандидатов-цзиньши. Если в каком-нибудь захолустье экзаменаторы и могли позволить себе выкинуть подобный фокус с чудной комбинированной темой, то в управе Гусу это исключалось. В некотором смысле управа Гусу напоминала провинции с самым жестким отбором на выпускных экзаменах в будущем: завалить учеников мудреными вопросами нетрудно, беда в том, что в будущем эти ученики могут стать высокими чинами и припомнить старые обиды своим экзаменаторам.

Поэтому экзаменационные темы здесь не могли быть чересчур замудренными. К тому же Тан Шэнь обладал такой суперспособностью, как фотографическая память, так что сдать уездный экзамен для него не составит труда. До испытания оставалось всего три месяца, и он планировал прилежно учиться, но никак не надрываться изо всех сил.

Лян Сун с первого взгляда раскусил праздный настрой своего ученика. Не говоря ни слова, он повел его напрямик к экзаменационному залу, где в следующем году должен был проходить уездный экзамен.

Это был квадратный двор размером примерно десять на десять чжанов, расположенный сразу за зданием присутственных мест управы Гусу.

Тан Шэнь обошел двор кругом, осматривая место своих будущих испытаний, но не заметил ничего необычного.

Лян Сун произнес:

— В каждом уезде управы Гусу обустроены свои экзаменационные площадки. Теперь, когда ты прибыл в главный город управы, тебе предстоит сдавать экзамены именно здесь. В прошлом году на уездный экзамен зарегистрировалось сто пятьдесят человек. Понимаешь ли ты, что это значит?

Тан Шэнь опешил, но тут же сообразил:

— Так много!

Этот двор был шириной от силы метров тридцать и длиной столько же — неужели здесь придется разместиться более чем сотне человек?

Лян Сун посмотрел на него и мрачно проговорил:

— Много? А если я скажу тебе, что эти люди заходят сюда еще до рассвета и остаются до самых сумерек? При этом во дворе нет ни одной уборной, так что справлять нужду приходится прямо в экзаменационных кабинках. Ха, вижу, как у тебя, мелкий проходимец, забежали глазки. Небось думаешь сдать работу пораньше?

Тан Шэнь позеленел лицом. Едва услышав слова «нет уборной», он осознал всю серьезность положения.

— Сдать работу раньше времени, конечно, можно, только ее тут же отложат в сторону. И пусть ты напишешь ее блестяще, пусть у тебя будет талант первого лауреата-чжуанюаня, этот экзамен тебе уже вряд ли зачтут.

Тан Шэнь спросил:

— А как же... как же тогда обедать?

Лян Сун удивился:

— Обедать? — Затем его голос снова стал спокойным. — Я слышал, в прошлом году десятка полтора учеников лишились чувств и не смогли закончить экзамен.

— От голода?

— От вони. А некоторые упали в обморок от голода, потому что из-за вони не смогли проглотить ни кусочка.

Тан Шэнь промолчал.

«Да ну его, этот экзамен! Пусть сдают те, кому делать нечего!» — подумал он.

Только представьте: площадка размером с небольшой скверик, где через тысячу лет бойкие старушки будут устраивать уличные танцы, сейчас должна вместить более сотни экзаменующихся. С утра до вечера они будут есть, пить и справлять нужду в одном и том же месте. Каким бы крепким ни был твой желудок, за весь день хоть раз да приспичит в туалет! Да и перекусить тоже как-то надо.

Вообразите картину: вы жуete принесенную с собой черствую, сухую лепешку, которая и так-то едва лезет в горло, а в это время ваш сосед за тонкой перегородкой достает ночной горшок и начинает испражняться. И расстояние между вами меньше, чем между кабинками в общественных туалетах будущего!

От этих мыслей прямо-таки разило душком!

Тан Шэнь мысленно унесся куда-то в иные миры, чувствуя, как его начинает мутить.

Лян Сун вдруг припомнил:

— Начальный экзамен состоит из трех этапов: уездного, окружного и областного. Кажется, я запомнил одну деталь... Тех, кто займет первые десять мест на каждом этапе, вызывают в судебный зал для написания следующего экзамена прямо в помещении. Внутри всяко лучше, чем снаружи. — Он указал на главное здание управы.

Глаза Тан Шэня загорелись.

Лян Сун с улыбкой добавил:

— Какое место ты займешь, юный Тан, зависит только от тебя самого.

В древности тем, кто решался сдавать Государственные экзамены, предстояло пройти четыре суровых испытания: начальный экзамен, провинциальный экзамен, столичный экзамен и дворцовый экзамен.

При этом начальный экзамен подразделялся на уездный, окружной и областной. И через три месяца Тан Шэню предстояло столкнуться именно с уездным.

Уездный экзамен состоял из пяти туров. Самым важным считался первый — основной тур, в ходе которого требовалось написать два рассуждения на классическую тему и одно стихотворение в жанре «ши-те» из пятисловных строк и шести рифм. С тех пор как Тан Шэнь заключил пари с Тан Юнем и решил участвовать в уездном экзамене, он ежедневно писал по два восьмичленных сочинения и сочинял по одному стихотворению «ши-те».

Написать такое было несравнимо труднее, чем школьное сочинение в будущем. Рассуждения на тему требовали строжайшего параллелизма и следования жесткой структуре, а уж к экзаменационным стихам предъявлялись совсем немыслимые требования: количество знаков в строке, чередование тонов и рифмовка были расписаны до мельчайших деталей. Ошибка хоть в одном знаке означала провал.

Лян Сун дочитал два сочинения своего ученика, погладил бороду и усмехнулся:

— Ни капли смысла!

Тан Шэнь промолчал.

— Учитель, но ведь это все равно лучше, чем полмесяца назад!

— Только на это тебя и хватает! Позволь спросить: до уездного экзамена осталось три месяца, неужели ты хочешь кое-как протиснуться в число учеников-туншэнов, а потом на окружном экзамене снова ютиться в той зловонной душегубке?

Тан Шэнь снова позеленел лицом:

— Ни за что! — Подобные мучения стоило пережить лишь раз в жизни, повторять этот опыт он категорически не желал.

Лян Сун продолжил:

— Тогда обратимся к первой теме: «Что касается этой энергии». Ты прекрасно знаешь, что эта фраза взята из главы «Гунсунь Чоу» трактата «Мэн-цзы». Посмотри же, как ты сформулировал тему? — Не дожидаясь ответа Тан Шэня, Лян Сун сам зачитал: — Твоя формулировка: «Что касается этой энергии — в поднебесной царит праведный дух, принимая разные земные

формы».

Тан Шэнь спросил:

— Неужели тема сформулирована плохо?

Лян Сун аж рассмеялся от возмущения:

— Хорошо? Да прекрасно! Вот только что ты написал следом? Заимствовать чужие мысли для рассуждения, формулировать и развивать на их основе тему — обычное дело, так поступают девять из десяти экзаменуемых. Но ты должен передать хотя бы малую толику величия чужого слога! Позволь спросить тебя, негодник: почему у автора, способного породить вечный шедевр «В поднебесной царит праведный дух, принимая разные земные формы», следующая же строчка катится по наклонной в полное убожество?

Тан Шэнь лишился дара речи.

Не мог же он признаться, что даже сложишь воедино десять тысяч Тан Шэней, они бы и в подметки не годились великому Вэнь Тяньсяну, а уж написать восьмичленное сочинение, достойное «Песни праведности», ему и подавно не под силу.

— Твоя формулировка темы поражает воображение, любой экзаменатор сразу обратил бы на нее внимание, — продолжал Лян Сун. — Но то, что идет дальше... Написано прилежно, аккуратно, в обычное время сошло бы за крепкую тройку с плюсом. Однако в сравнении со строкой из вступления всё это не стоит и ломаного гроша. В таком рассуждении важна целостность, чтобы начало перекликалось с концом, а мысль текла плавно...

Тан Шэнь со смирением внимал наставлениям.

Когда он только начинал писать рассуждения, Лян Сун постоянно ругал его за корявый слог и несоблюдение тонов. Написав десяток работ, Тан Шэнь наконец заслужил того, чтобы учитель взялся обучать его классической структуре. С тех пор Тан Шэнь делал стремительные успехи, и, по словам Лян Суна, уже вполне мог сдать уездный экзамен. Однако если он хотел занять первое место, ему требовалось усердно работать над формулировкой темы. Именно поэтому сегодня Тан Шэнь и попытался позаимствовать строчки из «Песни праведности».

В сетевых романах часто пишут, как главный герой, переместившись в древность, демонстрирует невероятное величие и без труда завоевывает литературную славу, сравнимую со славой Фэйжань, просто переписывая старинные стихи и песни. Да что там уездный экзамен, они и дворцовый ни во что не ставят!

Однако Тан Шэню после перемещения в этот мир оставалось лишь утирать горькие слезы.

В романах всё врут!

Воровство чужих стихов поможет прослыть утонченным поэтом, но не поможет сдать Государственные экзамены!

Да, на Государственных экзаменах действительно требуют писать стихи, но стихи эти — экзаменационные «ши-те», по сути те же сочинения в рифму. В них, как и в восьмичленных сочинениях, должна быть формулировка темы, развитие темы... и заключительная часть! Что уж говорить о самих восьмичленных сочинениях. Тан Шэнь прожил в прошлой жизни больше двадцати лет, получил докторскую степень, но в глаза не видел ни единого восьмичленного

сочинения — ему при всем желании нечего было копировать. К тому же экзаменаторы никогда не предложат в точности такую же тему!

Слушая наставления Лян Суна, Тан Шэнь достал дорожную кисточку и принялся записывать его слова.

Лян Сун умолк на полуслове и спросил:

— Что это ты там пишешь?

Юноша честно ответил:

— Учитель, хоть я и обладаю хорошей памятью, говорите вы быстро. Боюсь, что-то могу упустить, поэтому и записываю.

Ведение конспектов — незаменимый навык для любого студента будущего.

Лян Сун слегка опешил, а затем с одобрением вздохнул:

— Эх, малец... Ладно, возвращайся домой и напиши еще два сочинения!

Лицо Тан Шэня разочарованно вытянулось.

К счастью, вскоре он был избавлен от этих мук. В кабинет поспешно вошел Сюй Хуэй и передал Лян Суну письмо. Тот распечатал послание и мгновенно переменился в лице. Повернувшись к Тан Шэню, он велел:

— Возвращайся к себе. Завтра приходить не нужно.

Тан Шэнь удивился, но лишних вопросов задавать не стал:

— Когда мне прийти снова, учитель?

Лян Сун немного подумал:

— Я велю управляющему предупредить тебя за день.

Тан Шэнь откланялся и ушел.

Тан Шэнь и подумать не мог, что их расставание с Лян Суном затянется до самого Нового года.

<http://bllate.org/book/18292/1754419>